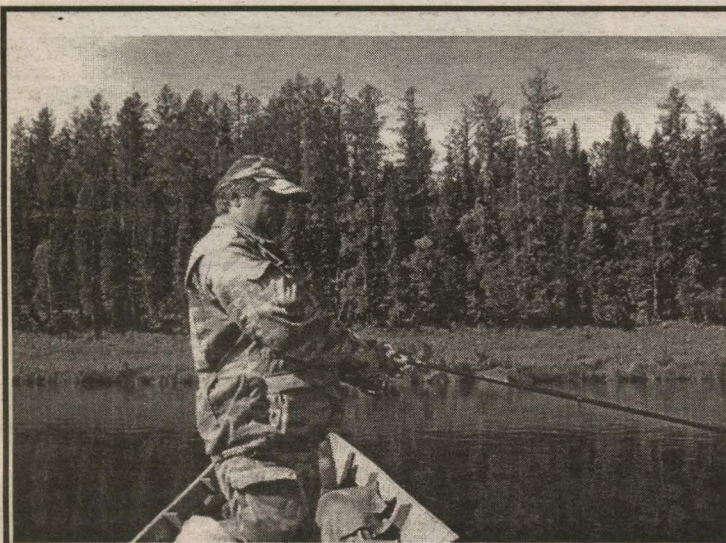

Владимир ПОЛЯКОВ

КАМЕНЬ

Разноцветный ковер из листьев, шуршащих под ногами. Глубокое по-осеннему глубокое небо с легкой дымкой на горизонте. Яркое холодное солнце и легкий ветерок, срывающий остатки позолоты. Вселенское умиротворение начала октября...

Речка Хариусовка журчала мелкими перекатами, кружила опавшими листьями в заводях. Вода была такой прозрачной, что видимые камни преломляясь, казалось, двигались вниз-вверх по течению. В заводи, сверкая темными спинками, стайки хариусов танцевали только им известный танец. Сережка выбрал укромное местечко под нависшими ветками черемухи, которая еще отбрасывала редкую тень, наживил червяка, плюнул на него по привычке и бросил прямо перед стайкой. Непуганая рыба стрелой метнулась к наживке и схodu взяла!

- Есть! - обрадовался Сергей.

Он подсек и вытащил хариуса. Серебристый был хорош, граммов 700 на глазок. Стайка не заметила потери. Он поменял наживку и снова закинул. Клев пошел...

На хариусов Серега ездит каждый год в одно и тоже время

закату, и он подумал:

- Галиматся все это, пойду рыбачить.

Однако мысли о надгробье не покидали его, хотя клев на закате был особенно хорош. Перешел на перекат. Там клевало еще сильнее. Он даже поймал двух ускучей. Смеркалось. Развел костер. Распотрошил рыбу, присолил. Большую часть уложил в кастрюлю, присыпал перцем - горошком, меньшую положил в копилку. Сидя у костра, курил, вспоминал...

Дед Семен, вечерами, сидя с внуком, рассказывал:

- Деревня наша была большая. Поболе полтора двора. В каждом дворе, почитай, ртов по десять — двенадцать было. А че, думаешь, чем работников в семье больше, тем батке с мамкой легче, ну не сразу конечно, а как подрастать начнут. Особенно сыновья когда. Сын подросток, батка сруб ставит. Глядишь, дом готов, и хозяин поспел! Так и селились сообща. Друг возле дружки. Родами. Конечно, были и бобыли, но это редко. Те летом на речке, зимой в наём. Так вот и жили. Скот держали, жито сеяли, пчел водили, колодок до полета и боле бывало.

Правда в деревне еще артель старателей была. Ну да те особенно держались. Не чета нам. Лето для них сезон был - уходили вверх по речке Песьянке и дале по Хариусовке, только их и видели. Ворочались поздно осенью. Худые, заросшие, бывало не все, но веселые. Магазины в деревне были. Золотоскупкой назывался. Там золотишко то и оставляли. Недели две гуляли, а опосля, разбредались кто - куда, до следующей весны. Вреда от них никакого не было, нам не мешали, Слава Богу! (Дед набожный был, но Бога, как он говорил, все не поминал). Слышал я от отца моего, от прадеда твоего, Евлампия, царствие ему небесное, святое место! Сказывал, ссора промеж них однажды случилась. Завелся у них кто-то вороватый. Раз пропажу заметили, второй, призадумались. Да сколько веревочке ни виться, конец-то будет. Поймали. Ну, видно, и судили его сами. Я честно и не знаю, как.

Серега встрепенулся от запаха жареного. Елки - палки! Кажется, рыбу пережарил!

Бросился спасать. Выдернул копилку из костра. Снял крышку. Не успела рыба сгореть. В самый раз! Он достал на обрезок клеенки горячую, пахнущую дымком и пряностями рыбу. Поверьте: нет ничего вкуснее свежего, горячего копчения хариуса! Да под сто грамм, да на свежем воздухе, да под тихое журчание речки и легкий шелот леса, когда кажется, кроме тебя и твоего костра на Земле никого и никогда не было и не будет и ты первый! Серега разомлел...

Но мысли возвращались к кусту боярышника. Он никак не мог вспомнить конец дедушкиного рассказа. Притушив костер, собрав манатки в багажник машины, он раздвинул передние сиденья и стал стелить постель. Небо было высоким и чистым. Яркая, бездонная россыпь звезд манила к себе безмолвной бесконечностью. Серега залез в машину, закрылся. Дрема брала свое. Он уснул. И ему снилось...

На хариусов Серега ездил каждый год в одно и тоже время. Отправлялся на работе заранее, готовил снасти, машину «Ниву», продукты. Заправлял полный бак. С вечера все проверял. Ложился рано. Утречком часиков в пять вставал, шел в гараж, грел машину и - вперед. Дорога дальняя - больше ста верст, он не спешил, зная, что его место не займут. Рыбачил обычно два дня. Палатку не ставил. Спал в машине. Вот и сегодня: разгрузил снасти, накопал червей, приготовил место для костра, не спеша выбрал заводь. Рыбачил до полудня, пока клевало, потом бросил. Собрал сушняка с запасом на ночь. Устроил кострище, повесил чайник. Достал банку тушеной каши, открыл, пристроив банку поближе к костру, что бы разогрелась. На вечер собирался коптить хариуса. Поел сытно и развалился на одеяле возле костра. Задремал...

Проснулся от ощущения чужого взгляда. Лежа на боку и чуть приоткрыв глаза, он «третьим» глазом, затылком, кожей чувствовал чье-то присутствие! Было жутковато, хотелось вскочить и обернуться. Пробила испарина. Усилием воли он заставил себя сесть.

- Чего это я? - подумал он, - никого же нет. Да и быть не может. Вокруг на двадцать верст никакого жилья. Зверь близко не подойдет — машина рядом, да и кострище еще дымит.

Он медленно стал поворачиваться. Позади его метрах в десяти рос старый куст боярышника. За ним дальше к сопкам тянулся кустарник шиповника и акации. Никого не было. Он передернулся, стряхивая с себя озноб.

- Чертовщина какая - то, блажится, - вслух подумал он, успокаиваясь, - приснития же такое. Однако ощущение присутствия постороннего не покидало его. Серега встал и медленно направился к боярышнику. Дерево было раскидистым с потрескавшимся стволом и толстыми ветвями. Под кроной пожухлая трава было примята, хотя следов не наблюдалось. Чувство тревоги вновь охватило его. Он еще раз осмотрелся и решил обойти дерево. Сделав несколько шагов, он вдруг отчетливо увидел в метре от себя плоский серый камень, напоминающий надгробие. Серега наклонился и рукой смел с камня мусор. Пальцами он ощутил неровности поверхности, которые напоминали строки письма. Прочесть надпись сразу он не мог - она была старой. Немного подумав, он решил протереть ее. Вернулся к машине, нашел тряпку, смочил ее водой и принялся оттирать камень. Труд не пропал даром. Постепенно на камне вырисовывались буквы, а из них складывались строки. В результате ему удалось прочесть текст: « Не делай другим того, чего не хочешь, чтобы причиняли тебе ».

Он вернулся к машине, включил негромко магнитола, закурил и задумался.

Дед Сереги родом был из этих мест. Правда, деда Семена лет двадцать уже как не было, да и деревни, в которой он жил, нет уже лет семьдесят. Дед много рассказывал внуку о ней, но он по молодости лет толком ничего не помнил. Так, какие-то отрывки. Да и деревня-то была не на этом месте. И называлась она то ли Песчанкой, то ли Песьяной. Кажется Песьяной. Да, точно. Но это не важно.

- Странно, - подумал он, - а почему надгробье одно? Что, других нет? Схожу, проверю.

И он направился к боярышнику. Побродив полчаса вокруг дерева, Серега ничего похожего не нашел. День клонился к

Он уснул. И ему снилось...

Был вечер. На лесной поляне горел большой костер. Около костра сидели люди. Чуть поодаль от костра сидел молодой парень со связанными руками и ногами. Они о чем - то спорили, но не громко. Лица их были серы, как горная кожа, лишь отблески костра пробегали светлыми тенями. Разговор шел о пропаже. Матерый, под два метра ростом, мужик держал слово:

- Я так, бергалы, мыслю, завелся хорек в нашей стае. Отродясь, такого случая не помню. Всякое бывало: и споры, и дележ, и драки, но все это было по совести, по справедливости. Я правильно говорю? - обратился он к сидящим.

- Правильно! — мужики оживленно зашевелились.

- Разве мы не делились последним куском хлеба или мяса. Прятались каждый под свое одеяло от ветра или дождя?

- Да ты что! Никогда!

- Или мы бросили кого- то из наших умирать от хвори?

- Хватит, старшой! Давай решать, что с ним делать.

- Киркой по башке, да прикопать, как собаку!

- Я, миряне, так думаю, - продолжал вожак, - послушать его надо бы, что скажет. А уж потом и решать будем.

- Хорошо. Пусть брешет! Веди его сюда. Ноги развяжи. Послушаем! Ты голову - то подними, глаза не прячь. Стыдно небось? Не перебивай его, говори...

- Не крал я, - прошептал парень, - ей Богу не крал, люди добрые. Я этот мешочек впервые вижу. А зернышки ведь и раньше пропадали.

- Громче говори! Чего под нос шепчешь?

- Подкинули мне мешочек - то, я ведь сам его отдал. Разве бы я признался, если украл. Не крал я...

- А ведь мужики, и правда, что-то не так! - Вожак встал в полный рост, - зря хулим парня! Первый год он у нас - это верно. Ну, да за него мужики ручались. Слово говорили. А, ну - ко, дайте мне этот мешочек. Он взял его в свои руки, приглядываясь перед костром, прищурился.

- Где - то я его видел... Вспомнил! Это же Ефима мешочек! Он же в прошлом году помер! А в прошлом году парнишки с нами не было! Во как! Значит зря наговор?

А прошлый раз с Ефимом чешуйки мыл Прокоп! Где же он?! Мужики задвигались, оглядываясь по сторонам

- Только что здесь сидел! Вот и палка его лежит, а самого нема. Он, поди, за водой ушел? Сбежал, подлец! Ищи ветра в поле!

Артель задвигалась, вскочила на ноги, зашумела.

- А ведь Прокоп мне гутарил, что последний год на россыпи двинул, - вспомнил старшой. - Вот зараза, язви тебя! Ну да Бог не Микитка. Ты парень того... Прости нас грешных, бес попутал...

Прокопа нашли наутро в яме. Убегая от своих, он сорвался в медвежью ловушку и напоролся на колья. Там в яме его и прикопали. Паренек, которого обвиняли в воровстве, притащил откуда - то плоский серый камень. И сидя у костра, возле старшого, карябал на нем что-то, слушая старые байки о горных людях...

Утро пришло туманное. Серега еле продрал глаза. Было еще рано. Он лежал и очень жалел, что сон закончился. Ему так понравились эти простые люди.

- Блин! Как в кино! Неужели и правда так было? Жаль, что никто уже не узнает всю правду.

Ну вот, пожалуй, и все! Оказывается, и такое бывает! Не верите? Спросите у Сереги, я адрес дам...